

ВВЕДЕНИЕ

Анализ закономерностей развития современного общества говорит о том, что мир находится на пороге глобальных цивилизационных перемен, предвещающих кардинальные изменения во всех сферах личной и общественной жизни. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации говорится о том, что настоящий «этап развития общества характеризуется возрастающей ролью информационной сферы» [1]. Информационная сфера как системообразующий фактор жизни общества активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности Российской Федерации.

Национальная безопасность Российской Федерации существенно зависит от обеспечения информационной безопасности, и в ходе технического прогресса эта зависимость будет возрастать. Так, в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации [1] к внешним источникам угроз безопасности России относится разработка рядом государств концепций информационных войн; разработанные Советом Безопасности России «Основы государственной политики в области обеспечения информационно-психологической безопасности» [2] определяют государственную информационную политику в условиях информационной войны как центральный компонент системы обеспечения безопасности и одновременно указывают на неэффективность использования общих принципов, средств и методов существующей сегодня информационной политики в условиях острых информационно-психологических конфликтов. В материалах парламентских слушаний «Угрозы и вызовы в сфере информационной безопасности» говорится не только об неэффективности действующей государственной политики в условиях психологических войн, но и предполагается, что возможной причиной такой неэффективности может являться принципиальная неприменимость общих форм и методов политического урегулирования конфликтов, в том числе международных, в специальных, или особых, условиях, которые создает информационно-психологическая война (ИПВ).

Политическое урегулирование конфликтов, т. е. нахождение взаимоприемлемого согласия между участниками конфликта путем переговоров, политических технологий и процедур [3], сегодня является важнейшей категорией современной конфликтологии и политической науки вообще. Как указывает М. М. Лебедева, «технологии мирного урегулирования конфликтов приобретают особое значение в современных условиях, становясь главным фактором сохранения и развития человеческой цивилизации» [3]. Поиск и разработка таких технологий строятся на выявлении общих закономерностей в конфликтах, позволяющих разрешать их мирными средствами. Сравнительный анализ таких закономерностей позволяет дать прогноз возникновения и развития конфликта, определить эффективные методы его урегулирования, предотвращающие насильственные формы дальнейшего развития. Поиск общих закономерностей и технологий урегулирования современных конфликтов – это качественно новый уровень владения инструментами политического регулирования современных международных отношений. В условиях информационного общества вершиной развития такого инструментария становятся информационно-психологические технологии.

Однако, к сожалению, сегодня российское обществоведение переживает методологический кризис. Видный ученый-международник, член-корр. РАН А. В. Торкунов справедливо указывает на слабое производство в России теоретических обобщений, на необходимость обновления методологии общественно-научных исследований и создания «новой методологической парадигмы»¹. В этой новой парадигме достойное место должны занять *социальная психология* и «управление процессами восприятия человеком жизненной реальности, управление рефлексией» [4]. Именно поэтому при постановке проблемы исследования роли и места информационно-психологического фактора в современных конфликтах необходимо учитывать, что она находится на стыке ряда дис-

---

¹ «Парадигма», понимаемая как теория исследования, признанного научным сообществом достижением в сфере получения знаний, дающим модель постановки проблемы и методов ее решения. См. Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolution*. Chicago, 1970.

циплин, каждая из которых имеет свою методологию, степень и глубину разработанности.

С одной стороны – это политологические и социологические исследования практики применения современных технологий информационно-психологического воздействия на массовое и индивидуальное сознание в международных отношениях, степени их влияния на современные политические процессы (разновидностью которых являются политические конфликты) и принципиальной возможности рассматривать эти технологии как эффективный инструмент достижения поставленных целей. При этом принципиальным моментом является именно технологический аспект управляющего информационно-психологического воздействия, т. е. возможность разработки и апробации таких способов воздействия, которые в качестве инструментов управления конфликтами обладали бы технологической универсальностью – способностью многократного тиражирования, применимостью к различным видам современных конфликтов без привязки к их сугубо внутренним индивидуальным особенностям.

С другой стороны, важнейшим вопросом исследования является изучение принципиальной управляемости современных политических конфликтов с помощью психологического воздействия. Известно, что в арсенале психологических операций существует значительный набор способов и инструментов психологического воздействия на политические процессы, от методов политической рекламы и пропаганды до технологий информационной войны. И все они так или иначе оказывают воздействие на политику. Однако вопрос о том, способны ли современные информационно-психологические технологии управлять политическими конфликтами самостоятельно, без обязательного привлечения других управляющих механизмов, и если да, то на каких именно стадиях развития современного конфликта, по-прежнему остается открытым.

При рассмотрении современных политических конфликтов в качестве объектов информационно-психологического управления встает законный вопрос о том, может ли это управление привести к разрешению конфликтной ситуации.

Сегодня известно множество примеров использования современных технологий психологического воздействия в операциях

информационной войны с целью развязывания и эскалации международных конфликтов, в том числе переходящих в результате применения агрессивных информационно-психологических технологий в стадию прямого вооруженного столкновения. Примером такого использования психологического воздействия на конфликты являются военные операции конца XX – начала XXI в. в Ираке, Афганистане, Гаити, Сомали, на Балканах. Несомненно, это пример управляющего воздействия, причем воздействия очень эффективного, не имеющего аналогов на протяжении всего предшествующего периода истории международных отношений. Тем не менее, эти примеры не могут дать ответ, можно ли использовать аналогичные по своей природе технологии не только для эскалации, но и для политического урегулирования международных конфликтов.

Кроме того, важным является вопрос о роли механизма политического урегулирования среди других существующих механизмов управления конфликтами.

Наконец, необходимо учитывать, что в результате формирования информационного общества и стремительного развития новых политических технологий, основанных на парадигме информационного превосходства, в современных, в том числе международных, конфликтах возникла и оформилась новая стадия, которая получила название информационно-психологической войны.

Считается, что политический конфликт переходит в фазу информационно-психологической войны в том случае, если одна или несколько сторон, вовлеченных в конфликт, останавливаются на выборе силового решения, но при этом в целях достижения максимального конкурентного преимущества политических целей выбирают такие формы и методы агрессии, которые наряду со внезапностью обеспечили бы нападающему значительный период скрытости. Сегодня таким способом политического насилия является только арсенал средств, методов и технологий информационно-психологической войны. В этом смысле тайные операции психологической войны в современном конфликте предшествуют непосредственно военной фазе, хотя, конечно, могут различным образом сочетаться с актами прямой вооруженной агрессии, которые в информационно-психологической войне необходимы для ини-

цирования цепных психологических реакций в массовом сознании населения и играют известную роль «спускового крючка».

На критической стадии перехода от политических методов к методам прямого вооруженного противостояния возникает встречное воздействие на политический конфликт двух видов внешнего управления, диаметрально различающихся по преследуемым целям: технологий информационно-психологической войны, направленных на нулевое разрешение политического конфликта через его эскалацию и нанесение одной из сторон, вовлеченных в конфликт, неприемлемого ущерба, и технологий урегулирования, направленных на то, чтобы найти компромиссное решение с более значительными для себя преимуществами. Вопрос о применимости технологий политического урегулирования конфликтов, находящихся в фазе информационно-психологической войны, таким образом, сводится в первую очередь к возможности рассматривать современную информационно-психологическую войну в качестве объекта политического управления.

Существующие концепции регулирования такой сложной формы социально-политических отношений, как психологическая война, сегодня в основном сводятся к принципу противодействия, и в этом смысле информационно-психологические технологии противодействия операциям ИПВ также относятся к технологиям урегулирования современных конфликтов. Однако концепция противодействия обладает рядом неустранимых, с нашей точки зрения, недостатков: противодействие начинается тогда, когда операции психологической войны выходят из скрытой (латентной) стадии, т. е. выявлены и распознаны жертвой нападения, что происходит практически во всех случаях слишком поздно, чтобы предотвратить наносимый ущерб и воспрепятствовать перетеканию конфликта в стадию прямого вооруженного столкновения.

Вопрос об управлении психологической войной вообще и в международных конфликтах в частности в современной научной литературе практически не поднимается; возможно, исключение составляют отдельные работы [5–10], где впервые психологическая война рассматривается на различных уровнях познания: как социальное явление, как поле политических конфликтов, как одна из фаз политического конфликта и как инструмент внешней поли-

тики [9–10]. Изучение теории и практики информационно-психологического воздействия на процессы разрешения современных конфликтов крайне актуально, т. к. эти методы воздействия прочно вошли в арсенал инструментов современной дипломатии. Если такая практика существует, то исследование механизмов информационно-психологического управления конфликтами должно снабдить дипломатию действенными научно-обоснованными технологиями регулирования международных конфликтов [7].

Отдельно встает немаловажный вопрос о пределах эффективности и границах применимости информационно-психологических технологий разрешения современных конфликтов, из уяснения которого непосредственно вытекает место этих технологий в общем процессе стабилизации системы международных отношений. Любой конфликт в своем развитии проходит через ряд последовательных стадий, каждой из которых характерен свой набор инструментов политического воздействия. Несомненно, современные информационно-психологические технологии относятся к одному из таких наборов и не могут быть одинаково эффективны на всех стадиях эволюции политического конфликта. Выявление таких стадий (одной или нескольких) становится одной из задач исследования.

Актуальность исследования роли и места современных информационно-психологических технологий в разрешении конфликтов обусловлена следующими факторами.

Во-первых, несмотря на завершение эпохи глобального противостояния, в современном мире количество политических конфликтов не только не сокращается, а продолжает нарастать, причем возникают их новые формы, мало подверженные стабилизирующему воздействию традиционных инструментов политического регулирования. Как указывает М. М. Лебедева, «современные конфликты стали одним из ведущих факторов нестабильности в мире. Будучи плохо управляемыми, они имеют тенденцию к возрастанию, подключению все большего числа участников, что создает угрозу не только тем, кто непосредственно вовлечен в конфликт, но и всем живущим на земле» [3]. Международные отношения все больше становятся полем политических конфликтов.

На передний план выходят региональные конфликты, характеризующиеся высокой интенсивностью, широким применением методов прямой вооруженной агрессии и способностью вовлекать в свою сферу соседние регионы, разрушая исторически сложившиеся там системы коллективной безопасности. Деятельность США по «силовому умиротворению» и «принуждению к демократии» в различных регионах мира не только не устраняет первопричины протекающих там политических конфликтов, но во многих случаях приводит к их эскалации и переходу на новый, более масштабный, уровень. Часто политические конфликты специально инициируются в регионах, имеющих стратегическое экономическое или военное значение, для того чтобы под видом миротворцев обеспечить там свое военное и политическое присутствие.

Так, политический конфликт в Ираке, ставший новым импульсом для обострения этнических и религиозных противоречий между иракскими суннитами (которых поддерживает Сирия) и шиитами (пользующимися поддержкой Ирана), арабами и курдами, способен вовлечь в затяжной вооруженный конфликт фактически весь Ближний Восток [11]; политический конфликт в Косово не только привел к возникновению в самом центре Европы крупнейшего моноэтнического анклава с населением, принадлежащим к иной культурной традиции, но и стал для международных экстремистов плацдармом для развертывания дальнейшей внешней экспансии (например, вторжение «Освободительной армии Косова» в Македонию).

Во-вторых, наряду с обострением традиционных форм и методов политического соперничества в международных отношениях все большее значение играет этнополитический фактор: в современных международных конфликтах, все чаще носящих характер столкновения цивилизаций, центральной проблемой становится сохранение ценностей и национальной идентичности, разрушение и трансформация которых сегодня – основная цель политической агрессии. Сам политический конфликт при этом во многом утрачивает черты «конфликта интересов» и становится, в первую очередь, психологическим «конфликтом ценностей», природа которого и способы политического разрешения сегодня практически не познаны.

Примером такого конфликта может служить Косово, где сегодня происходит столкновение системы ценностей православной христианской цивилизации, радикальных направлений этнического ислама и агрессивной миссионерской социально-культурной традиции американского протестантизма. Другим ярким примером является зарождающийся в самом центре Европы – во Франции – этнополитический конфликт между коренным населением страны и общинами иммигрантов из мусульманских стран Северной Африки, которые принадлежат к иной культурно-цивилизационной традиции и не разделяют многих европейских ценностей, принципиально отрицают политику культурной интеграции и по мере накопления собственных ресурсов начинают заявлять о себе как о новой политической силе. Близкая ситуация складывается с этническими общинами и в Великобритании, вынужденной кардинально пересматривать открытость своих границ.

Угроза нарастания этнополитических конфликтов продолжает сохраняться: сегодня в мире существует более 180 государств и лишь не более 20 из них этнически однородны; в более 40 % государств мира проживает 5 и более национальных меньшинств. На протяжении второй половины XX в. в мире было отмечено более 300 этнических конфликтов, которые периодически переходили в стадию насилия. По оценкам ООН, этнические конфликты унесли больше жизней, чем «традиционные» войны.

Разрешение этнополитических «конфликтов ценностей» не может быть найдено исключительно в политической плоскости: во многих районах совместного проживания межэтнические противоречия формировались, накапливались и сохранялись в сознании населения веками и настолько глубоко проникли в историческую память, что их политическая активация у людей нередко проявляется в форме неосознанных, ментально-архетипных, интуитивно-подсознательных действий, не подверженных воздействию разума и логики, – категорий, которыми оперирует сознание. В этих условиях обычные методы политического воздействия на конфликтную ситуацию малоэффективны: этническое подсознание не поддается политическому регулированию. Все это требует поиска новых инструментов, способных оказывать стабилизирующее воздействие на сознание и подсознание населения в зонах конфликтов, новых,

информационно-психологических, технологий управления политическими процессами, конфликтами и кризисами.

В-третьих, международная деятельность по урегулированию политических конфликтов сегодня переживает системный кризис, требующий не только поиска новых подходов и способов воздействия на конфликтные ситуации, но и формирования новых парадигм управления политическими конфликтами.

В настоящее время в мире существует 3 основных механизма, призванных поддерживать стабильность в международных отношениях и урегулировать возникающие политические конфликты:

- международные институты и системы коллективной безопасности (ООН, ОБСЕ);
- «оборонительные» военно-политические союзы, оставшиеся в наследство от «холодной войны» и перепрофилированные на «миротворческую деятельность» (НАТО, ЗЕС);
- государства-волонтеры, готовые собственными силами добровольно вести миротворческую деятельность по всему миру, выступая в роли всемирного арбитра и используя для этого свой международный авторитет и мощный военно-политический потенциал (США).

Все они сегодня переживают глубокий кризис, вызванный собственной неэффективностью и ограниченной способностью влиять на политические конфликты в современных условиях.

Так, миротворческая деятельность США и НАТО в Югославии не только не привела к урегулированию конфликта, но и превратила этот регион в крупнейший очаг политической напряженности в Европе, имеющий опасные тенденции к расширению и вовлечению в конфликт иных участников; миротворческая операция США в Ираке погрузила страну в военный и политический хаос. Операция в Афганистане, так и не устранив с политической сцены Талибан, обострила противоречия между исламским миром и европейскими государствами, вовлеченными при непосредственном участии США в затяжном афганском конфликте.

Непрекращающиеся попытки США принизить роль и фактически отстранить ООН от руководства миротворческой деятельно-

стью существенно снижают возможности ООН по урегулированию современных конфликтов² [12].

Системно-функциональный кризис миротворческой деятельности, осуществляемой США и НАТО, наглядно демонстрирует неэффективность существующих сегодня базовых парадигм урегулирования конфликтов: «силового умиротворения», «гуманитарных интервенций», «экспорта демократии» и «борьбы с международным терроризмом», и требует разработки новых теоретических концепций, адекватных современным угрозам и вызовам в сфере регулирования международных конфликтных отношений. В научном плане это должно найти выражение в разработке новой методологии, основанной на междисциплинарном подходе к исследованию разрешения современных конфликтов.

В-четвертых, в условиях формирования информационного общества многократно повышается значимость информационно-психологического фактора в управлении современными конфликтами. «Мировые процессы – это не только то, что происходит на самом деле, – отмечает А. В. Торкунов, – но и то, что люди думают о том, что происходит» [5].

Сегодня в результате стремительного развития новых политических технологий, основанных на парадигме информационного превосходства, в современных политических конфликтах возникла и оформилась новая стадия – ИПВ, занимающая промежуточную ступень между стадией переговоров и вооруженным столкновением и являющаяся в конфликте «поворотной точкой» – от мирной фазы к военной.

Вместе с тем, возникновение в современных конфликтах новой фазы – информационно-психологической войны – создает новые возможности для управления конфликтами, в том числе в целях их разрешения или урегулирования. Так как сегодня в системе международного права нет механизмов, ограничивающих применение технологий психологической войны, поиск новых эффективных способов, методов и технологий стабилизирующего воздействия

---

² «...при силовом и экономическом доминировании США... при решении принципиальных вопросов международной безопасности ставка делается на западные институты... на ослабление роли Совета Безопасности ООН» [2].

на конфликт, находящийся в фазе ИПВ, выдвигается на передний план современной миротворческой деятельности.

В-пятых, в условиях формирования информационного общества необходима выверенная государственная информационная политика [13]. Значение ее возрастает в условиях информационной борьбы, и особенно в условиях психологических войн [14, с. 20]. При этом встает практический вопрос – о научно-аналитическом обеспечении реализации концепции информационной безопасности России, которая понимается как состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства [1]. Не случайно в Концепции внешней политики обеспечение информационной безопасности указано в качестве одного из приоритетов Российской Федерации в решении глобальных проблем: «Россия ... уделяет особое внимание такому аспекту укрепления стратегической стабильности, как обеспечение информационной безопасности» [12].

По свидетельствам ряда ученых, в настоящее время разворачивается «третья мировая информационно-психологическая война». Некоторые ученые считают, что холодную войну СССР проиграл из-за поражения в информационно-психологической войне [15–18]. Признав этот факт, необходимо сформулировать государственную информационную политику, которая позволяла бы решать проблемы адекватного отражения информационно-психологической агрессии.

Также следует учитывать, что в России уже произошли фундаментальные изменения системы социально-политических отношений. Россия стала информационно открытой страной, как для других государств, так и внутри самой себя [14]. В условиях демократизации общества открываются его информационные границы. При этом главные цели нанесения информационно-психологических ударов – массовое сознание, социальная психика, мораль и нравственность – становятся все более доступны для негативного внешнего информационного воздействия.

В современных условиях жизненно важно для России сформировать такую политику (следовательно, и модель развития), которая позволила бы стране устойчиво двигаться вперед наравне с

другими странами. Это тем более важно, что политическая сфера формирующегося глобального информационного общества все более превращается в конфликтную сферу информационного противоборства. Происходит нарастание информационно-психологических конфликтов, возрастают их интенсивность и социальная опасность.

Проблема формирования выверенной политики государства в условиях информационно-психологической войны возрастает еще и из-за низкой степени готовности современного российского общества оказывать активное сопротивление любым попыткам манипулирования общественным сознанием, поскольку в массовом сознании граждан еще только формируется понимание той угрозы, которую могут нести современные информационно-психологические войны.

В-шестых, признав роль информационно-психологического фактора в управлении современными политическими процессами, у России, находящейся на пересечении интересов североамериканской, восточноазиатской и западноевропейской политики, в формировании собственного политического мировоззрения на формы и способы разрешения современных конфликтов есть две возможности: либо следовать одной из уже существующих моделей (англосаксонской, романо-германской или восточноазиатской), либо искать собственный путь, сочетая в национальной политике сильные стороны всех трех основных подходов и, по возможности, избегая их недостатков.

При выборе собственной модели психологического воздействия на современные политические конфликты Россия должна исходить из трех основных принципов:

- получить возможность оказывать прямое психологическое воздействие не только на группы политической элиты, представляющие конфликтующие стороны за столом переговоров или поддерживающие политический контакт с одним из международных посредников, но, в первую очередь, на массовое сознание населения в зонах конфликтов, в том числе на этнические группы и анклав, подверженные воздействию экстремистской идеологии;

- избежать вовлечения в конфликт в качестве одной из конфликтующих сторон;
- избежать вступления в прямое конфликтное соприкосновение с ведущими игроками на мировой арене, вовлеченными в этот конфликт в одном из качеств: посредника, миротворца либо в качестве одной из сторон, стремящихся урегулировать конфликт на собственных условиях методом прямого силового давления.

Научная проблема исследования роли и места современных информационно-психологических технологий в разрешении конфликтов состоит в том, что эффективность существующих сегодня парадигм политического регулирования современных политических, в том числе международных, конфликтов не соответствует требованиям обеспечения международной безопасности и стабильности:

- множественность политических конфликтов продолжает возрастать, сохраняется тенденция на обострение уже существующих и возникновение новых форм конфликтных ситуаций;
- современные этнополитические конфликты все более приобретают вид глобального «столкновения цивилизаций»;
- в очагах международной нестабильности возрастает риск возникновения локальных вооруженных конфликтов с перспективой втягивания в прямую вооруженную конфронтацию целых регионов;
- международная деятельность по урегулированию политических конфликтов переживает глубокий системный кризис, требующий не только поиска новых подходов и способов воздействия на конфликтные ситуации, но и формирования новых парадигм управления политическими конфликтами.

Гипотеза исследования роли и места современных информационно-психологических технологий в разрешении конфликтов состоит в предположении, что в условиях формирования глобального информационного общества в современных конфликтах появилась новая фаза – ИПВ, которая занимает промежуточную ступень между политическим кризисом и фазой вооруженного столкнове-

ния, являясь при этом «поворотной точкой» от мирной фазы к военной. В этой фазе технологии информационно-психологического воздействия на политические (в том числе международные) конфликты становятся одним из решающих факторов и высокоэффективных инструментов в деятельности по их политическому разрешению.

Объект исследования: политическое разрешение современных конфликтов.

Предмет исследования: способы, методы и технологии информационно-психологического разрешения современных конфликтов.

Отсюда следует **цель** настоящего исследования: определить роль и место технологий информационно-психологического воздействия на сознание в разрешении современных конфликтов.

Задачи, вытекающие из данной постановки цели исследования:

- классификация современных научных подходов к исследованию роли и места информационно-психологических технологий в разрешении международных и внутренних политических конфликтов;
- оценка эффективности воздействия современных информационно-психологических технологий на эволюцию политических процессов, конфликтов и кризисов;
- классификация существующих сегодня в мировой политике культурно-цивилизационных моделей психологического управления современными конфликтами и их сравнительный анализ;
- оценка роли и места информационно-психологических технологий в современных вооруженных конфликтах;
- определение роли и места новой формы социально-политических отношений – информационно-психологической войны – в эволюции современных международных конфликтов;
- разработка новой методики исследования информационно-психологической войны на разных уровнях познания: как социального явления (социологическая гипотеза), как поля политических конфликтов (статистическая гипотеза), как единичного политического конфликта (политико-конфликтологическая гипотеза) или его фазы и как инструмента информа-

ционной политики (системно-функциональная гипотеза); формулировка гипотез для каждого из указанных подходов и их доказательство; выбор соответствующей гипотезы для рамок настоящего исследования и обоснование правомочности и целесообразности такого выбора;

- разработка модели информационно-психологической операции; формирование специального понятийного аппарата, необходимого для описания современных технологий управления массовым сознанием в операциях психологической войны; оценка угроз, связанных с использованием в указанных технологиях психологических «якорных» техник в условиях современных этнополитических конфликтов;
- классификация существующих сегодня в России концепций реализации государственной политики в условиях психологической войны, а также их сравнительный анализ;
- определение сущности и содержания реализации государственной информационной политики России в условиях психологической войны, осуществляемой в рамках принципа «противодействия», роли и места информационно-психологических технологий в противодействии внешней агрессии и требований к информационно-психологическим технологиям как к инструменту реализации государственной политики;
- выявление тенденций и закономерностей реализации государственной информационной политики России в условиях психологической войны;
- разработка рекомендаций по принципам формирования Россией собственной модели информационно-психологического разрешения современных конфликтов, а также форм, способам и направлениям использования информационно-психологических технологий для управления психологическими операциями, осуществляемыми в отношении России.

Теоретико-методологическую основу исследования роли и места современных информационно-психологических технологий в разрешении конфликтов составляет междисциплинарный подход, основанный на использовании автором общих методологических подходов, принятых научным сообществом в таких дисциплинах, как социология, психология, политология, теория инфор-

мации и теория международных отношений. Это продиктовано тем, что сегодня международная конфликтология как научное направление пока существует на допарадигмальном уровне, ибо отсутствуют общепризнанная теория и правила, методы анализа международных конфликтов, хотя и появились интересные труды, фиксирующие существующие методы и приемы анализа международных конфликтов [19].

Фактор информационно-психологического воздействия на конфликтную ситуацию реализуется в сфере ценностных установок, поэтому ее трудно вычислить. Тем не менее, социология как дисциплина и ее устоявшиеся методологические подходы могут показать изменения в сфере воздействия информационно-психологических технологий на состояние общественного сознания. С этой целью автор использовал в исследовании один из основных ее методологических подходов, получивших широкое признание, в том числе и в области международных отношений, – системный подход [20], особенно в его структурно-функциональной версии (Т. Парсонс, Р. Дарендорф, Д. Истон, Г. Алмонд, Л. Козер и другие «системники» [21]). Автор использовал методологию системного структурно-функционального подхода для определения роли информационно-психологического фактора как одной из важных функций воздействия на разрешение конфликтной ситуации.

Для анализа психологического фактора в современных конфликтах, изучения субъектов взаимодействия в «силовых полях», начиная с отдельной личности и до глобального противоборства сверхдержав (Д. Сингер³ [22]), проблем рефлексивного управления при помощи информационного воздействия на поведение личности (В. А. Лефевр [23]) автор использовал бихевиористский подход (Г. Марриам, Г. Лассуэлл и др. [24]).

Наряду с системным, структурно-функциональным и бихевиористским подходами при анализе роли информационно-психологического воздействия на разрешение современных конфликтов автор использовал и другие методологические подходы: институциональный подход (описательный, легально-формальный и исто-

---

³ Д. Сингер возглавил «Комитет по изучению конфликтов и мира» в Международной ассоциации политических наук (США).

рико-компаративный методы), когда не только исследуется информационная деятельность в рамках установленных законов в различных странах, но также изучается ее воздействие на общественное управление; сравнительно-исторический анализ, когда тот или иной конфликт и выявленная в нем роль информационно-психологического фактора сравниваются с другим подобным явлением.